

**STUDIA
CULTURAE**

3(37)

2018
SAINT-PETERSBURG

STUDIA CULTURAE

Выпуск 3 (37)

STUDIA CULTURAE TOM 3, № 37, 2018

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР	Евгений Соколов (Россия) СПбГУ
ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	Александр Колосков (Россия) СПбГУ Лариса Морина (Россия) СПбГУ
УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ	Юлия Мальцева (Россия) СПбГУ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ НАУЧНОГО СОВЕТА	Борис Соколов (Россия) СПбГУ
ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ НАУЧНОГО СОВЕТА	Дмитрий Прокудин (Россия) СПбГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Райганат Абакарова (Россия); Анатолий Алексеев-Апраксин (Россия); Бартоло Гарильо (Италия); Ральф Беккер (Германия); Олег Борисов (Россия); Александр Величенко (Украина); Серик Джунусбаев (Казахстан); Людмила Клюкина (Россия); Павел Мартысюк (Белоруссия); Леон Миодоньский (Польша); Арто Хаапала (Финляндия).

НАУЧНЫЙ СОВЕТ

Татьяна Акиндинова (Россия); Тициана Андина (Италия); Володимир Бугров (Украина); Юрий Доманский (Россия); Александр Замалеев (Россия); Ян Красицкий (Польша); Игорь Ларионов (Россия); Мария Могилевич (Россия); Никита Ноговицын (Россия); Надежда Орлова (Россия); Артём Радеев (Россия); Андрей Сергеев (Россия); Майя Соболева (Германия); Александр Соловьев (Россия); Эрдэнэцогт Сонинтогос (Монголия); Екатерина Сурова (Россия); Елена Устюгова (Россия).

ISSN печатной версии: 2225–3211

ISSN он–лайн версии: 2310–1245

Информация о журнале размещена на сайте: <http://iculture.spb.ru>

Публикуемые материалы проходят процедуру рецензирования и экспертного отбора.

Журнал входит в базу данных РИНЦ.

© Studia Culturae, 2018

© Авторы статей, 2018

STUDIA CULTURAE VOLUME 3, № 37, 2018

EDITOR-IN-CHIEF	Evgeny Sokolov (Russia) SPBU
DEPUTY CHIEF EDITOR DEPUTY CHIEF EDITOR	Alexander Koloskov (Russia) SPBU Larisa Morina (Russia) SPBU
EDITORIAL ASSISTANT	Julia Maltceva (Russia) SPBU
CHAIRMAN OF ADVISORY BOARD	Boris Sokolov (Russia) SPBU
VICE CHAIRMAN OF ADVISORY BOARD	Dmitry Prokudin (Russia) SPBU

EDITORIAL BOARD

Rayganat Abakarova (Russia); Anatoly Alekseev–Apraksin (Russia); Bartolo Gariglio (Italy); Ralf Becker (Germany); Oleg Borisov (Russia); Alexander Velichenko (Ukraine); Serik Dzhunusbayev (Kazakhstan); Lyudmila Klyukina (Russia); Pavel Martysyuk (Belarus); Leon Miodonski (Poland); Arto Haapala (Finland).

ADVISORY BOARD

Tatyana Akindinova (Russia); Tiziana Andina (Italy); Volodimir Bugrov (Ukraine); Yury Domansky (Russia); Alexander Zamaleev (Russia); Jan Krasitski (Poland); Igor Larionov (Russia); Maria Mogilevich (Russia); Nikita Nogovitsyn (Russia); Nadezhda Orlova (Russia); Artyom Radeev (Russia); Andrey Sergeyev (Russia); Maya Soboleva (Germany); Alexander Solovyov (Russia); Erdenetsogt Sonintogos (Mongolia); Ekaterina Surova (Russia); Elena Ustyugova (Russia).

ISSN (printing version): 2225–3211

ISSN (online version): 2310–1245

Official site of the journal: <http://iculture.spb.ru>

The published materials undergo procedure of reviewing and expert selection

The journal is indexed by RISC

© Studia Culturae, 2018
© Authors of the issue, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ACADEMIA

Л.Е. АРТАМОШКИНА

ОНТОЛОГИЯ СЛОВА И ОРГАНИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА

L.E. ARTAMOSHKINA

WORD ONTOLOGY AND CONSTITUTIONAL POETICS.....8

В.Ю. БЫСТРОВ

В.М. КАМНЕВ

ТЕКСТ И ПЕРЕВОД В СТРУКТУРЕ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО ПРОЦЕССА

V.YU. BYSTROV

V.M. KAMNEV

THE TEXT AND THE TRANSLATION IN STRUCTURE OF HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL PROCESS..... 19

Т.И. ЛУЗИНА

А.Д. ГРЕБЧЕНКО

КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ: РЕЛИГИОЗНАЯ ТЕМАТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

T. I. LUZINA

A. D. GREBCHENKO

CULTURE AND RELIGION: RELIGIOUS THEMES IN THE WORKS OF VALERY BRYUSOV..... 30

Л.П. МОРИНА

ВЕЩЬ КАК ЗЕРКАЛО СУБЪЕКТА КУЛЬТУРЫ

L.P. MORINA

THE THING AS A MIRROR OF THE PERSON..... 38

С. НЯРВЯНЕН

С.А. ТРОИЦКИЙ

ПРОЦЕСС НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ НАРОДОВ ФИНЛЯНДИИ В XIX ВЕКЕ:
ФЕННОМАНИЯ И ФЕННОФИЛЬСТВО

S. NYARVYANEN

S.A. TROITSKIY

THE PROCESS OF NATIONAL IDENTIFICATION FINNISH PEOPLES IN 19TH CENTURY. FENNOMANIA AND FENNOPHILIA..... 45

К.А. ОЧЕРЕТАНЫЙ

СУДЬБА ТЕЛЕСНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

K. A. OCHERETUANY

THE DESTINY OF BODY IN DIGITAL AGE..... 59

И.Ю. ПЕШПЕРОВА

ПРОЕКТ «ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗОН
КУЛЬТУРНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ». ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

I.YU. PESHPEROVA

THE PROJECT «TERMINOLOGICAL APPARATUS AND METHODOLOGY FOR THE STUDY OF CULTURAL EXCLUSION
ZONES». RESULTS OF THE STUDY..... 67

Н.М. САВЧЕНКОВА КИНО И РЕАЛЬНОСТЬ: ВПЕЧАТЛЕНИЕ ИЛИ ПЕРЕЖИВАНИЕ? N.M. SAVCHENKOVA CINEMA AND REALITY: «IMPRESSION» OR «EXPERIENCE».....	84
---	----

SYMPOSIUM

Ж.В. НИКОЛАЕВА С.А. ТРОИЦКИЙ А.О. ЦАРЕВ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЗОНАХ КУЛЬТУРНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ Z.V. NIKOLAEVA S.A. TROITSKIY A.O. TSAREV THE PROBLEM OF IDENTITY IN CULTURAL EXCLUSION ZONES OF THE URBAN ENVIRONMENT.....	96
---	----

В.В. БЕЛЯЕВ ПРАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗОНИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДСКОМ ЛАНДШАФТЕ V.V. BELYAEV PRACTICES OF THE POLITICAL ZONING IN THE MODERN CITYSCAPE.....	115
---	-----

Д.А. КОЛЕСНИКОВА ОТЧУЖДЕНИЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕМ. ПАРАЗИТАРНЫЕ СТРАТЕГИИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ D. A. KOLESNIKOVA EXCLUSION THROUGH POLLUTION. PARASITE STRATEGIES IN URBAN ENVIRONMENT	122
---	-----

А.А. НОСКОВ КРИТИЧЕСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ МЕТОДА ТЕОРИИ ФАКТОВ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ АЛЬДО РОССИ С ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ A.A. NOSKOV A CRITICAL CONSIDERATION OF THE METHOD TO THE THEORY OF FACTS OF THE URBAN ENVIRONMENT BY ALDO ROSSI FROM A PHENOMENOLOGICAL POINT OF VIEW	132
--	-----

А. ПИРНИ МЕСТО ОБИТАНИЯ ПОКОЛЕНИЙ: ПРАВО НА ОБНОВЛЕНИЕ И ОБЯЗАННОСТЬ СОХРАНЕНИЯ A. PIRNI THE INTERGENERATIONAL DWELLING: THE RIGHT TO TRANSFORM, THE DUTY TO PRESERVE.....	141
---	-----

Н.М. ПОЗНЯК «МИНСК – ЭТО ИМЯ ДЛЯ ПУСТОТЫ...»: МИФ О БЕЛОРУССКОМ ГОРОДЕ В ПРОЗЕ АЛЬГЕРДА БАХАРЕВИЧА N.M. PAZNIAK «MINSK IS A NAME FOR EMPTINESS ...»: THE MYTH OF BELARUSIAN CITY IN THE PROSE WORKS BY ALGIERD BACHAREVIC.....	148
---	-----

Н. СИДДИ ГОРОД ПРОТО-ДИГИТАЛЬНОЙ ЭПОХИ N. SIDDI LA CITTÀ PROTO-DIGITALE.....	158
---	-----

SCHOLA

В.В. БЕЛЯЕВ*КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ИДЕОЛОГИИ***V.V. BELYAEV***CULTURAL LANDSCAPE AND ITS REPRESENTATION IN THE IDEOLOGY*..... 169**А.С. ЛАГУРЕВ***Д. ЛУКАЧ: ИСТОРИЯ ЖИЗНИ В ПРОСТРАНСТВЕ ОНТОЛОГИИ***A.S. LAGUREV***G. LUKÁCS: THE HISTORY OF LIFE IN THE SPACE OF ONTOLOGY* 179**Н.Ю. ТРОФИМОВА***ДИАЛОГИ ВРЕМЕНИ И КУЛЬТУРЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ДВОРЦОВО-ПАРКОВОГО АНСАМБЛЯ**КАДРИОРГ***N.YU. TROFIMOVA***THE DIALOGUES OF TIME AND CULTURE IN THE SPACE OF A PALACE AND PARK COMPLEX**KADRIORG*..... 189

Academia

Л.Е. АРТАМОШКИНА

*Доктор философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет*

ОНТОЛОГИЯ СЛОВА И ОРГАНИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА

В статье рассматривается связь поэтического творчества и философской мысли в обращении к онтологическим основаниям культуры. Связь философии и поэзии понимается как проявление закономерности пути философии в XX веке. Автор обращает внимание на аналитику форм искусства в философской герменевтике, в частности, в работах Г.Г.Шпета.

Определяется понятие «энтелехия» как ключевое для методологических поисков Г.Г.Шпета в ракурсе проблемы связи языкового и культурного сознания.

Ключевые слова: слово, онтология, энтелехия, предельный опыт, органическая поэтика, герменевтика

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №16-03-00566-ОГН.

L.E. ARTAMOSHKINA

*Doctor of Philosophy, docent
Saint Petersburg State University*

WORD ONTOLOGY AND CONSTITUTIONAL POETICS

The article deals with one of the major methodological problem of the philosophy of culture – to substantiate unity of the collective and individual bases of culture and its principles to be embodied in creation. We define «entelechy» as main concept for Shpet's methodological searches. This aspect helps to see the connection between poetry and philosophy and behold ontological basis of culture.

Keywords: word, entelechy, ultimate experience, organic poetics, hermeneutics
The work has been done by the support of the grant of RFFI №16-03-00566-OGN.

Онтологическая укорененность поэтического слова, соотнесенность слова и культуры давно вошли в сферу размышлений как философии, так и богословия, филологии. Особенно внимание к бытийственному статусу поэтического слова проявляется вновь в XX веке. Можно связывать определенные «повороты» внутри философии с обращением к размышлениям о слове в поэзии, о сущности языка, сохраняющегося внутри поэтического пространства. Не таким ли, например, был поворот М.Хайдеггера (Kehre)? Или философские штудии Г.Г.Шпета одновременно с мощным исследовательским проектом ГАХНа в

содружестве с поэтами рождающиеся – не выявляют ли они существенно важное для нашего понимания наследства XX века, нам доставшегося и нами проживаемого? Может быть, в этом проявление одной из глубоких закономерностей путей философии XX века?

Истоки размышлений о природе Слова и его связи с культурой мы находим в культурфилософской мысли 20-х годов XX века, обращенной к универсальным основаниям культуры, в художественном творчестве, в текстах прозы и поэзии. Революция, борьба с традициями, динамика повседневности с её футуристической устремленностью обусловили обращение к языку, к природе слова как единственно подлинным хранителям культурного наследия. Язык теперь мыслится не только как социальная, но как универсальная культуuroобразующая сила. Ситуация предельного опыта обнажила в природе Слова то, что позволяет ему быть энтелехией культуры – его онтологическую укорененность. Философская, теоретическая мысль, художественная практика 20-х годов XX века обнаруживали характер связи слова и культуры, языка и памяти, звука и смысла – все эти разноуровневые связи обнажали главную способность языка и слова – быть хранителями культуры.

Неслучайно в работах 20-х годов Г.Г. Шпет обращается к понятию «энтелехия» именно в связи с поиском методологических оснований для эстетики, для аналитики различных форм искусства, стремясь обнаружить характер связи индивидуального и коллективного начал в творчестве, в культуре. Принцип коллективности, становящийся в очевидности самой повседневности идеологией нового советского государства, Шпет делает предметом философской мысли, научных штудий. В этом свободном философском поиске заключался глубокий диалог с пост - революционной эпохой.

Понятие «энтелехия» у Шпета связано с герменевтическим поворот в феноменологии. Уже в работе 1916 г. «Явление и смысл» Шпет, определяя главные направления, разрабатываемые феноменологией, подчеркивает необходимость прояснения вопроса: как мы выражаем наше знание. Вопрос, который «спасает» и познание и живое чувство жизни, поставлен Шпетом так: «Как становится логическое *понятие* орудием жизни, а не уничтожения ее?» [5, с.106]. Выход в пространство культуры и истории европейского человечества, обращение к универсальным основаниям этой целостности связан с проблемами языка, языкового и культурного сознания. «Именно исследование вопроса о природе социального бытия приводит к признанию игнорируемого до сих пор фактора, который только и делает познание тем, что оно *есть*, показывает, *как* оно *есть*...» [5; С.111]. Смысл не есть что-то абстрактное, он «*внутренне присущ самому предмету, его интимное*» [5; С.131]. Из этого «интимного» как из центра

предмета «исходят все нити его конституции» [5; С.147]. Этот «внутренний смысл», или энтелехия, и является интимно-внутренним самого предмета, является его «душой». Энтелехия выступает там, где мы имеем явление мира социального, мира человека и его смыслов. Сопоставляя секиру и песчинку в их естественной установке («Явление и смысл»), можно убедиться в различии их сущности: первая имеет «внутренний смысл» (=энтелехию), вторая не имеет. «К сущности социального относится иметь цель, т. е. обладать энтелехией...» [5; С.172]. Шаг в сторону мира социального приводит Шпета к размышлениям о природе языка/слова, о глубинных связях слова и предмета, к «внутренней форме слова» (работа «Внутренняя форма слова» выходит в 1927), к миру культуры и народа («Введение в этническую психологию», 1926, а еще раньше – в 1916, в дневниках: эту связь, направление мысли Шпета, выраженные в дневниках, отмечает Т.Г.Щедрина).

Понятие энтелехии перекидывает мост между явлением и действительностью, словом и предметом. Из мира социального мы возвращаемся к человеку, в конкретности и осмысленности его жизни, в его *усилии* проживать осмысленно и в осмысленном мире. «Бытие есть бытие не только потому, что оно констатируется, но оно должно быть и оправдано, но это оправдание не в законах его, а в его осмысленности...» [5; С.181]. Быть значит иметь смысл.

В рамках этнической психологии Шпет обнаруживает связь между языком, как проявлением творящего духа коллектива, и понятием народа. Народ и является таким «коллективом», который беспрестанно творит свое единство и обнаруживает свой дух в жизни языка. Дух объективируется в выражении. Поэтому Шпет указывает, что понятие «выражение», важное для этнической психологии, раскрывается в работе о внутренней форме слова. Примечательно, что эта работа, «Внутренняя форма слова», выходит после «Введения в этническую психологию»: слово в природе своей связывается с характером народа, его психологией. Язык, по мысли Шпета, определяет все другие формы выражения в культуре народа (наука, искусство, политика). При этом и сам язык переживается как социальное явление данным народом в данное время, «сюда относится смена «представлений» и чувств, связанных просто со словом и его значением... язык... является... прототипом и репрезентом всякого выражения, прикрывающего собою значение. В этом своем семантическом качестве язык и является таким объектом, принципиальное обсуждение которого а *potiōi* (по преобладающему признаку) имеет силу для других форм и видов выражения» [6; С.63].

Понятие энтелехии, или внутренней формы, у Шпета разворачивается в сторону вопроса – что есть «внутренние формы» культуры? Как они

образуются? Единство культуры, социальной сферы и искусства, законов, управляющих ими, определяются, по Шпету, их творческим характером. Ошибка наша в том, что мы науку, социальные явления отправляем в сферу прагматики. Мы не видим творческого характера самого прагматического сознания. Прагматическое сознание, себя осуществляющее в плоти социального мира, осуществляется как «произведение», поскольку человек творит себя, смыслы своей жизни. Возможность такого восприятия лежит в природе языка, в его социально-культурном единстве. «Язык прообраз всякого культурно-социального феномена» [6; С.439].

Язык определяется как духовная способность силы, «вспыхивающей во всей своей цельности, но в определенном направлении» [6; С.336]. Язык как «сила» обнаруживает свое «энергийное» начало, Шпет подчеркивает устойчивость такого понимания в философской традиции: «для Гумбольдта было величайшим откровением, что язык есть энергей» [6; С. 348]. В обнаружении энергийного начала языка Шпет приходит к теме культурного сознания и предлагает для философии языка базовый принцип, суть которого в том, что «рассмотрение языкового сознания всегда и необходимо ориентируется на последнее его единство, которое... есть не что иное, как единство культурного сознания. Такие обнаружения культурного сознания, как искусство, наука, право и т. д., – не новые принципы, а модификации и формы единого культурного сознания, имеющие в языке архетип и начало. Философия языка в этом смысле есть принципиальная основа философии культуры» [6; С.351]. Проясняя характер связи энтелехии и культурного сознания, можно выявить основания типа культуры, обусловленного этой связью. Определение культурно исторического типа основывается на выявлении общего характера представлений, присущих этому единству (культурно-историческому типу). Коллективные представления возникают как проявление энтелехии культуры, выражая «установку» воспринимающего сознания.

В 1921-1923 гг. Шпет обращается к проблемам эстетики, которым посвящает «Эстетические фрагменты». Размышления над связью человеческого бытия и познания, рассмотрение взаимосвязи слова и культуры приводят Шпета к исследованию чувственного впечатления в смысловой структуре слова. Здесь появляются идеи о структурности языка и культуры, о структуре как целостности. «Эстетические фрагменты» Шпета позднее послужили выработке направлений в исследованиях членов ГАХН (об этом можно подробнее узнать также из публикации, подготовленной Т.Г.Щедриной – см. Густав Шпет: Философ в культуре. Документы и письма. М., 2012). В «Эстетических фрагментах» Слово

рассматривается как явление природное, но также как факт и «вещь» культурно-социального мира. Связывая природу слова с актом восприятия и представления, Шпет обращается к слову как единству слова-вещи (слово как эмпирическая, чувственно-воспринимаемая вещь) и слово как интеллектуальная данность, предмет.

Остановимся на различии Шпетом «вещи» и «предмета», или вещного, предметного слоев в единой структуре слова. Вещь-слово – это действительная, реально существующая вещь, реальное действие, свойство («слово как средство, орудие в его номинативной функции есть просто чувственно-воспринимаемая вещь») [7; С.33]. Слово-предмет – это слой в структуре слова не чувственного, а умственного, интеллектуального восприятия, его идеальное наполнение. «Предметы – возможности, их бытие идеальное...предмет может быть реализован, наполнен содержанием, овеществлен, и через слово же ему будет сообщен также смысл, он и есть формально образующее этого смысла... Предмет есть объект и субъект вместе...Сфера предмета есть сфера чистых онтологических форм, сфера формально-мыслимого». Для понимания Слова как энтелехии культуры важны два момента на этом этапе анализа работы Шпета. Первый: Слово у Шпета рассматривается как единая и органическая структура; второй: в предметном уровне Слова усматривается форма, тающая в себе смысловое ядро. Приведем один яркий пассаж из текста, в образности своей уже воплощающий и отчасти резюмирующий суть размышлений Шпета: «Без-словесная мысль – это патология; это – мысль, которая не может родиться, она застряла в воспаленной утробе и там разлагается в гное...Слова – не свивальники мысли, а её плоть. Мысль рождается в слове и вместе с ним. Даже и этого мало, – мысль зачинается в слове». [7; С.43]

К понятию «структура» Шпет обращается в 1920 году, выступая в Московском лингвистическом кружке, а далее в «Эстетических фрагментах» рассматривает слово как структуру, что позволяет выявить характер связи слова и культуры. В понятии структуры подчеркивается её потенциал, позволяющий открыть внутреннюю сущность целого, структуру жизненной взаимосвязи. Для Шпета важным оказывается, что В. Дильтей применяет понятие структуры к области искусства. Искусство обнаруживает взаимосвязь индивидуального творчества с социальным миром, характер целеполагания, обусловленный миром культуры и его воплощение в творчестве художника, в своеобразии применяемых им средств. Таким образом, взаимное соотнесение понятий форма/структура/энтелехия позволяют определить характер герменевтического поворота Шпета и принцип герменевтического подхода к исследованию культуры. Особенное значение имеет для Шпета

анализ структуры исторического мира, направленность которого была задана Дильтеем.

В свете нашей темы необходимо отметить еще один сюжет, развиваемый Шпетом именно после установления связи слова и мысли, слова в единстве его вещного и предметного слоев, слова как живой органической структуры, а именно переход от внутренних логических форм слова к внутренним дифференциальным формам языка, т.е. к формам поэтическим. Эти внутренние поэтические формы позволяют говорить и об особом роде истины – истине поэтической, и об особой связи мысли со звуком. Здесь Шпет в характере построения самого высказывания Слово определяет как образ, Слово и есть образ. «Внимание к «отдельному слову» или «образу», сосредоточение на них (в особенности со стороны поэта, лингвиста, логика), обнаруживает тенденцию актуализировать потенциальную силу слова». [7; С.69]. Переходя к характеристике поэтики как части философии искусства, определяя поэтический предмет как предмет реальный, Шпет выделяет символизм как существенный признак всякой поэзии. Символика же поэтическая является фундаментом всей эстетики слова, которая, в свою очередь, выступает как учение об эстетическом сознании.

В конце «Эстетических фрагментов» Шпет сводит воедино два первоначально разведенных в структуре Слова слоя: социальный и естественный. Именно как выразитель душевных волнений Слово выступает в своей «естественной» ипостаси, выражает душевное и физическое состояние говорящего. Для понимания энтелехийной природы Слова, думается, важно обнаруживаемое Шпетом единство звукового, психофизического и символического, интеллектуального слоев его единого организма. Разум нуждается в своей деятельности в чувственных образах, сохраняемых телесной субстанцией. Не случайно Аристотель отметил связь между движениями/жизнью тела и деятельностью души (причем не только в отрицательном смысле влияния тела на душу). Тело является условием для душевной жизни, поэтому душа – энтелехия тела. Слово же в своей онтологической укорененности есть воплощенный образ, образ обретающий плоть, т.е. телесно-духовное единство, что обуславливает энтелехийную силу слова в культуре.

Идеи Шпета развиваются при участии поэтов. Так, Московскому лингвистическому кружку, в котором обсуждались идеи Шпета, были близки О.Мандельштам, Б.Пастернак; в нём фонология Р.Якобсона обретает свои очертания в процессе участия в совместной работе, дискуссиях и поисках, в художественном творчестве. Так, поэтика Мандельштама – поэтика, как он сам определял её в статьях 20-х годов, органического, саморазвивающегося слова, – складывается внутри этого

поля размышлений. Храктре работы поэта со словом оказывался подтверждением многих догадок Якобсона. Органическая поэтика выявляет смыслодержательные потенции звука. Звук может быть источником стихотворного сюжета. Для поэта именно язык и слово являются непосредственными фактами исторической действительности, укоренены в ней. И вместе с тем, сама история укореняется в языке, слове. Жизнь языка – сфера самостоятельного бытия. «Государство языка живет своей особой жизнью» [3; С.348]. Какие же качества языка, слова делают его категорией «бытийственной»? Слово, по мнению Мандельштама, приходит из недр речевого сознания, всякое слово изначально, по природе своей, – образ; функция слова – менее всего функция назывательная. «Самое удобное, и в научном смысле правильное, рассматривать слово, как образ, то есть словесное представление» [3; С.255]. Уже до нашего произношения слова оно существует «в лоне общей материнской стихии языка» [3; С.340]. Язык представляется некоей живой, органической материей, способной к саморазвитию. Язык «обладает тайной свободного воплощения», он – «говорящая плоть» [3; С.245]. Каждое слово уже образ, «словесное представление». Представления же, в свою очередь, наделены объективным бытием. Мандельштам идет дальше по этому пути: «Представления можно рассматривать не только как объективную данность сознания, но и как органы человека, совершенно также точно, как печень, сердце» [3; С.256]. Поэтому следующий шаг – создание органической поэтики. Поистине «как мы дышим – так и пишем». Можно говорить о поэтике, «обладающей словесными представлениями как своими органами» [3; С.257]. Показательно соседство статьи «О природе слова» (1922) со статьей «Заметки о поэзии» (1923), где в этой связи уже не кажется странным замечание Мандельштама по поводу поэзии Пастернака: «поэзия Пастернака... прямое следствие особого физиологического устройства горла... Стихи Пастернака прочитав – горло прочистить, дыхание укрепить, обновить легкие: такие стихи должны быть полезны от туберкулеза» [3; С.264]. Таким образом, вся область «словесных представлений» является областью, равнозначной материальному бытию. В этой системе существенное место занимают представления о взаимонаправленной связи между сферой «словесных представлений» и человеком, его жизнью. Мандельштам выделяет общую тенденцию, подчеркивающую справедливость этого утверждения. Она сказывается в процессе очеловечивания науки, в создании поэтики, в центре которой стоит «человек, не сплюснутый в лепешку лжесимволическими ужасами, а как хозяин у себя дома» [3; С.257]. Все это было связано с определенным взглядом Мандельштама на характер движения культуры и, в конечном итоге, – на историю.

V.YU. BYSTROV

*Доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии,
Институт философии
Санкт-Петербургский государственный университет*

V.M. KAMNEV

*Доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии,
Институт философии
Санкт-Петербургский государственный университет*

ТЕКСТ И ПЕРЕВОД В СТРУКТУРЕ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматриваются современные проблемы философского перевода. Историк философии должен сочетать профессиональные компетенции историка и философа, но в той мере, в какой он работает с оригинальными философскими текстами, он должен также объединять компетенции философа и филолога. Возникающие в этом случае проблемные ситуации могут быть решены только на основе теории философского перевода.

Ключевые слова: историк философии, переводчик, философский перевод, текст, интерпретация

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии»)

V.YU. BYSTROV

Dr. of Science in Philosophy, Professor

V.M. KAMNEV

Dr. of Science in Philosophy, Professor

THE TEXT AND THE TRANSLATION IN STRUCTURE OF HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL PROCESS

In the article there are considered modern problems of the philosophical translation. The historian of philosophy has to combine professional competences of the historian and philosopher, but in that measure in what he works with original philosophical texts, he has to unite competences of the philosopher and the philologist also. The problem situations arising in this case can be solved only on the basis of the theory of the philosophical translation.

Keywords: historian of philosophy, translator, philosophical translation, text, interpretation

The work has been done by the support of RSF (project №17–18–01440).

Существует одно весьма распространенное заблуждение, которое, в частности, в отечественной философской традиции играет весьма ощутимую роль. Заблуждение это можно в общих чертах описать следующим образом. Это убежденность человека, имеющего дело с философскими текстами, в том числе и историка философии, что обнаруживаемые им в этих текстах значения и смыслы имеют универсальный характер. Иными словами, если бы современный европейский интеллигент, использующий один из европейских языков, древний грек, писавший на древнегреческом, индус, писавший на санскрите, каким-то чудесным образом встретились, то ничто не мешало бы им прекрасно понимать друг друга, если бы в их распоряжении оказался некий гипотетический язык, в равной мере им всем знакомый. Все эти и многие иные языки, на которых существуют философские тексты, отличаются, согласно логике такого заблуждения, лишь внешней, знаковой стороной, тогда как область значений и смыслов, транслируемая посредством этих различных знаковых систем, в принципе, является тождественной. Это заблуждение можно рассматривать как естественное и закономерное следствие фактически остающегося вне критики представления об историко-философском процессе как о единообразном линейном развитии философии как таковой, понимаемой как комплекс универсальных идей, по отношению к которому различные философские школы, различные национальные философские традиции, различные направления и течения следует рассматривать как степени приближения или отдаления от этой гипотетической абсолютной философии.

Любопытно, что критерий, позволяющий установить, что такое представление, несмотря на его распространенность, является заблуждением, весьма тривиален. Чем в большей степени историк философии в своей исследовательской работе доверяет уже имеющимся переводам, тем реже он ставит под сомнение возможность существования некой абсолютной философии. И наоборот, чем чаще он обращается к практике собственных переводов философских текстов, тем с большей твердостью он отказывается не только от представления о существовании философии в единственном числе (и приходит, соответственно, к идее плюралистического универсума множества философий), но и даже от концепции единого историко-философского процесса, что, на первый взгляд, и является собственной предметной областью его интеллектуальной работы. Таким образом, оказывается, что идея абсолютной философии и единого историко-философского процесса пользуется наибольшим доверием у тех исследователей, которые с этим единым историко-философским процессом непосредственно не соприкасаются, – в том смысле, что к фактам и событиям этого процесса, к его оригинальным выражениям в виде исходных текстов,

они имеют отношение, опосредствованное переводами. Заметим, что иногда это опосредствование может быть весьма сложным и даже запутанным настолько, что графически его было бы удобнее всего изображать символом лабиринта; так, например, некоторые русскоязычные диалоги Платона представляют собой перевод соответствующего диалога, написанного на «возрожденном» древнегреческом в эпоху Ренессанса, а на самом деле являвшемся диалогом, переведенным с латыни, а этот перевод был, в свою очередь, переводом с арабского, который, как остается надеяться, был все же более-менее точным переводом с древнегреческого оригинала.

Из всего сказанного, с нашей точки зрения, еще не следует вывод, что проблема «...работы с иноязычными философскими текстами, может быть разрешена в перспективе не-линейного представления или понимания истории философии (и в принципе не-исторического), то есть такого понимания, которое можно было бы назвать «генеалогическим», поскольку в качестве руководящего принципа берется «семейное сходство» тех или иных философских учений» [7, С.9-10]. Такой вывод представляется несколько поспешным, так как генеалогический метод в историко-философских исследованиях, весьма, вероятно, эффективный, прежде, чем стать руководством для перевода философских текстов, должен произвести что-то вроде «революции Коперника» в мировоззренческих предрассудках, сохраняющих свою власть над историками философии, осуществить инвентаризацию познавательных способностей, которыми они наполовину обдуманно, наполовину бессознательно пользуются. Но другой вывод, – что в качестве руководства для перевода философских текстов представление об идеальной универсальной философии, где все исторически реальные философские школы, направления и течения выступают как несовершенные подобию этого идеала, совершенно неэффективно и во многих случаях вредно, – негативный вывод, подтвержденный практикой переводов, должен получить и теоретическое обоснование.

Работа историка философии, переводящего философские тексты, двойственна. Сам он, находясь во «фрэймах» отечественной языковой и философской традиции, работая с текстом, принадлежащим «фрэймам» иной традиции, должен достичь его глубокого и всестороннего понимания. В том, что касается именно философских текстов, решение этой задачи является особенно сложным, так как сам по себе философский текст, созданный даже на отечественном языке, уже представляет собой герменевтическую проблему, и его адекватное понимание требует профессиональной подготовки. Сложности многократно возрастают, если историк философии имеет дело с философским текстом, написанном на ином языке, так как для его понимания явно недостаточно одного лишь глубокого знания этого языка, и требуется также не менее глубокое понимание соответствующей философской традиции.

Но помимо этого есть и второй аспект, связанный с коммуникативными характеристиками переводимого философского текста. Этот текст должен быть в итоге включен во «фрэймы» отечественной языковой и философской традиции, иначе цель его перевода остается нереализованной. Отсюда становится понятной хорошо известная практикующим переводчикам необходимость глубокого и всестороннего знания родного языка, знания, в значительной мере превосходящего уровень обыденного владения этим языком. И, разумеется, аналогичное знание отечественной философской традиции, в том смысле, что оно должно быть не менее глубоким и всесторонним. Эта двойственность характерна для любой практики перевода, но в случае с переводами философских текстов сочетание концептуальных (т.е. связанных с пониманием иноязычного философского текста) и коммуникативных (связанных с необходимостью включения переводимого текста в отечественную философскую традицию) аспектов является особенно наглядным.

Вопрос о том, что историк философии в своей профессиональной деятельности должен уникальным образом объединять амплуа и историка и философа, обсуждается довольно давно [11; 12, С. 1-32]. Судя по всему, такое объединение профессиональных компетенций в фигуре историка философии не является изначально конфликтным, и историки охотно уступают право на описание истории столь специфичного предмета, описание, которое в сфере собственно философского знания чаще всего выполняет пропедевтическую функцию. Однако, как было показано выше, профессия историка философии, объединяющая компетенции историка и философа, оказывается состоятельной только в том случае, если еще раньше произошло объединение двух других профессиональных компетенций, в равной мере необходимых для перевода философского текста. Чтобы историк философии состоялся, он должен прежде всего иметь непосредственный доступ к философским текстам, т.е. должен их переводить (или, по меньшей мере, уметь профессионально оценивать другие авторские переводы), что значит, что он должен каким-то образом объединить амплуа философа и филолога. И здесь мы уже не можем сказать, что такое объединение компетенций является неконфликтным. Потребность в таком объединении представляется несомненной: «...чтение философского текста даже на родном языке уже есть перевод, философский текст для нашего повседневного языка всегда иноязычен, а древний текст на «мертвом» языке, кажется, запечатан семью печатями... Философ, сколь бы отвлеченна его мысль ни была, вынужден, читая классический текст, погружаться в филологию... филолог, переводя (или читая) философский текст, тоже вынужден входить в особую работу мысли, поскольку речь идет не просто о словах, а о понятиях, впервые появляющихся на свет вместе со своим «понимаемым», означаемым. Философские «существа» добываются мыслью,

STUDIA CULTURAE
ТОМ 3, № 37 2018

- ББК 87 Studia Culturae. 3 (37) 2018. Научный журнал по культурологии, эстетике и философии культуры, 2018. – 190 с.
- S 60 В очередной выпуск журнала вошли научные статьи, посвященные изучению актуальных проблем теории и истории культуры, философии культуры, эстетики и философии искусства, истории и культурологи областничества. Издание предназначено для всех, интересующихся философией, культурой и искусством.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Е.Г. Соколов

МАКЕТ

Ю.М. Мальцева

ДИЗАЙН ОБЛОЖКИ

Е. Соколова

Подписано в печать 30/10/2018

